

Второй день осенней охоты принес столько нелепых неожиданностей, что воинство Маньчжурских восьми знамен знатно осрамилось перед монгольскими князьями.

Сперва кучка не знавших своего места слуг-баои едва не испортила всем праздник. Опасаясь монаршего гнева, придворные дружно сделали вид, будто ничего не произошло, и поспешили разъехаться в разные стороны.

Но стоило охоте возобновиться, как любимец Цяньлуна, пятый принц Юнци, умудрился подстрелить из лука какую-то девицу и с истошными криками понесся прямо к императорскому шатру. Не прошло и четверти часа, как невеста откуда взявшаяся в загонном круге оборванка была объявлена потерянной дочерью государя, выросшей среди простого люда. Торжественный выезд в один миг превратился в фарс.

Иньжэн и Иньти молча созерцали это безумие, кривясь от нелепости разыгрывавшегося перед ними представления.

Пальцы Иньжэня, лежавшие на рукояти поясного ножа, судорожно сжались в кулак.

«И ради этого ничтожества, ради этого шута Иньчжэнь когда-то сжил со света Хунши и растоптал моего Хунси?!»

Яд горькой обиды обжег сердце. Иньжэн поспешно опустил взгляд, пряча ледяную ярость.

Иньти мягко направил своего коня ближе. Положив ладонь поверх побелевших пальцев брата, он бережно, но настойчиво разжал его кулак и переплел их пальцы, не позволяя Иньжэню до крови вонзить ногти в ладонь.

Овладев собой, Иньжэн вдруг осознал, насколько двусмысленно выглядит их жест. Он поспешно вырвал руку и сердито зыркнул на довольного Иньти. Тот так лучезарно улыбался, что у Иньжэня невольно дернулась бровь:

«И чего он лыбится с самого утра как слабоумный?»

Иньжэн поспешно отвернулся к центру балагана, делая вид, будто внимательно изучает лица императорских гвардейцев. Иньти, заметив, как густо покраснели мочки ушей его «младшего брата», усмехнулся еще шире и ласковее.

Один из стражников перехватил мимолетный взгляд Иньжэня и едва заметно кивнул. Все шло по плану: верные люди уже мчались в Пекин с донесением.

Получив подтверждение, Иньжэн слегка расслабился. Раз в столице остался Хунши, за императрицу Нала можно было не волноваться — тот сумеет направить ее гнев в нужное русло. От этого взбалмошного пятого принца Юнци можно было ожидать любой глупости. Хотя матушка Нала за последнее время и научилась дипломатии, она все еще оставалась женщиной прямой, неспособной мириться с грязью и ложью в своем доме.

Вернувшись к созерцанию драмы, Иньжэн слушал высокопарные, полные праведного пафоса излияния Юнци, а в его голове тем временем со свистом проносились мысли. Происхождение этой девицы вызывало огромные сомнения. Но куда интереснее было другое: зачем Хунли подыгрывает этой нелепице? Неужели старик действительно поверил в «зов родной крови»?

Иньжэн холодно усмехнулся. Какая нелепость! Даже если в жилах девчонки течет императорская кровь, они не виделись восемнадцать лет. Откуда взяться этой внезапной, всепоглощающей нежности?

Едва до Хунши долетело послание от брата, как доверенный евнух принес свежие новости из внутренних покоев: Юнци, не помня себя от волнения, притащил раненую девицу прямо во Дворец Продления Счастья!

Хунши брезгливо поморщился, слушая торопливый рассказ гвардейца о переполохе на охотничьих угодьях, и едко хмыкнул. Пятый брат, надо признать, проявил прямо-таки трогательную заботу о новообретенной сестрице. Вот только с его неистовым рвением раненая девица рисковала отдать богу душу еще до того, как ее осмотрят лекари.

Захватив с собой гонца, Хунши поспешил во Дворец Икунь. Там он в красках пересказал матушке Нала все детали охотничьего переполоха. Выслушав его, императрица лишь презрительно фыркнула. Однако, взглянув на взволнованное лицо младшего сына, она тут же смягчилась, растеряв всю свою царственную суровость. Поманив Хунши к себе, она небрежно махнула рукой стоявшему на коленях евнуху:

— Наградить.

Обняв сына за плечи, она принялась лениво крутить принесенную им шпильку с изящным цветком хайтан из цветной глазури, пропуская жемчужные нити сквозь тонкие белые пальцы.

— В этом дворце все решает император, — ровным, почти равнодушным голосом произнесла она. — А поскольку я сейчас нездорова, прикажи челяди Дворца Икунь сидеть смирно и носа на улицу не показывать. Пусть развлекаются без нас.

Тем временем во Дворце Продления Счастья кроткая Линь-фэй со скорбным видом нянчилась с вечно хворающим Юньлу, чье здоровье таяло на глазах. Не успела она перевести дух, как порог перешагнул Юнци со своей ношей. На лице наложницы в ту же секунду расцвела ее

фирменная, источающая доброту улыбка.

— Юнци, милый, что это за девица?..

Юнци, не отрывая взгляда от бледной бедняжки на его руках, выпалил без тени сомнения:

— Матушка Линь-фэй! Она — драгоценное дитя нашего царственного отца, потерянное им в народе!

Незаконорожденная дочь императора?!

Кроткая наложница на миг потеряла дар речи от такой новости, но быстро взяла себя в руки. Гостью устроили на лучшем ложе, во дворец спешно притащили дежурных лекарей, а личные служанки Линь-фэй принялись хлопотать вокруг раненой. Самой хозяйке Дворца Продления Счастья пришлось стоять у постели больной подле изнывающего от тревоги Юнци, изображая глубокое сострадание, хотя в душе у нее все кипело от раздражения.

Кое-как придушив поднимающуюся злость, Линь-фэй ласково ворковала над потерявшим голову принцем, а ее острый ум тем временем лихорадочно взвешивал выгоду. Если этот бастард окажется по душе императору, то, приютив девчонку, Линь-фэй закрепит за собой статус главной благодетельницы и урвет еще больший кусок монаршего внимания. Если же девица принесет лишь позор и неприятности, Линь-фэй всегда сможет сослаться на собственное излишне мягкое, отзывчивое сердце. Главное — не спешить вешать ярлыки самой, пусть государь лично изречет волю.

Расставив все фигуры в этой мысленной партии, наложница сотворила на лице выражение безграничной материнской нежности и приготовилась ждать приезда Его Величества.

Цяньлун вернулся в столицу в спешке и сразу же направился во Дворец Продления Счастья. Понимающая с полуслова Линь-фэй, пятый принц, угодивший собственной стрелой прямо в девичье сердце и, похоже, лишившийся рассудка от вспыхнувших чувств, путанные речи раненой, нагромождение нелепых совпадений...

Кое-кто умело скрыл за маской преданности личные амбиции, и в слаженном хоре голосов происхождение Сяо Яньцзи было признано подлинным. Цяньлун громогласно смеялся, щедро расточая милости, но в глубине его взгляда застыла вековая стужа. Тем не менее он позволил любимой наложнице и обожаемому сыну доиграть этот нелепый фарс до конца.

На следующий день Цяньлун созвал чиновников для обсуждения титула новоявленной дочери. После недолгой словесной перепалки девица была официально наречена принцессой Хуаньчжу — Возвращенной жемчужиной.

Едва девчонка поправилась и впервые выбралась на прогулку в Императорский сад, шпионы из

всех дворцов слетелись туда как мухи на мед. Каждая нелепая выходка новоиспеченной принцессы, каждое ее дикое слово тут же разлетались по покоям высокопоставленных хозяек. Благородные дамы лишь диву давались, слушая отчеты о дремучем невежестве и базарных манерах «жемчужины» — воистину, Запретный город еще не видел подобного чуда! Впрочем, умные люди помнили завет предков: коль не тебе вершить дела, не лезь с советами.

В удушливой тоске закрытого гарема бесплатное представление — сущая отрада, пока оно не задевает чужих интересов.

Вот только не успели обитательницы гарема вволю посмеяться над диковинной шутихой, как излияние императорских щедрот на голову принцессы Хуаньчжу заставило их перестать улыбаться и судорожно сжать шелковые платки.

Вернувшись в Пекин, Иньжэн первым же делом помчался во Дворец Икунь. К его удивлению, в покоях царила сонная, мирная тишина, а сама матушка Нала выглядела на удивление безмятежной. Иньжэн даже растерялся от столь явного несоответствия ожиданиям. Заподозрив неладное, он принялся глазами пытаться Хунши и Ланьсинь, пытаясь высмотреть хоть какую-то тревогу на их лицах.

Нала с мягкой усмешкой наблюдала за тем, как сыновья тайком перемигиваются. Она ласково поманила к себе всех троих детей и, когда они подошли, крепко, по-матерински обняла их.

— Отныне у вашей матушки лишь одно чаяние — видеть, как вы трое растете в мире и покое, — негромко произнесла она, прижимая их к себе. — Все эти дворцовые дрязги — лишь пустая суэта, мне до них больше дела нет. Пока на мне венец императрицы, моей силы хватит, чтобы уберечь нас четверых от любых невзгод.

У Ланьсинь подозрительно заблестели глаза.

— Матушка... — едва слышно прошептала она, утыкаясь носом в ее плечо.

Родные родители девочки давно покинули этот мир. Оказавшись на воспитании во дворце, она долго чувствовала себя бесприютной сиротой, чья судьба зависит лишь от чужой прихоти. Кто бы мог подумать, что здесь, среди холодных стен, она обретет настоящую семью в лице Нала, Иньжэня и Хунши? Окруженная материнским теплом и преданностью братьев, она не уставала благодарить Небеса за эту великую милость.

В груди у Хунши и Иньжэня разлилось щемящее тепло. Все эти годы они выживали лишь благодаря друг другу, бережно склеивая осколки своих израненных душ и без конца твердя себе, что обязаны быть сильными. Призраки прошлой жизни не оставляли их, то и дело заявляя о себе и отравляя редкие минуты покоя. Да, внезапное появление Иньти и его негласное покровительство согревали душу, но сам этот факт оставался тревожным

предзнаменованием, да и поговорить по душам они так и не решились, держась настороженно.

Хунши смутно помнил, что лишь до шести лет его прошлая матушка Ли-ши ласкала его так же бережно. Иньжэн же и вовсе отродясь не знал бескорыстной нежности — лишь расчетливую любовь венценосного отца да лживые, пустые посулы, которых и те-то получал нечасто...

Как же давно никто из старших не говорил им слов, способных растопить лед в израненных сердцах! Копившиеся веками обиды тяжелой волной поднялись из глубины души. Прикрыв глаза, оба брата позволили себе хотя бы на миг расслабить вечно натянутые, как струны, нервы. Это не было проявлением малодушия. Им просто до слез хотелось верить этой женщине.

Раз матушка Нала не видела в новоявленной «дочери» угрозы, Иньжэн с Хунши тоже быстро охладели к этой теме. Подумаешь, взбалмошная девчонка — рано или поздно ее сплавят замуж какому-нибудь монгольскому князю, так пусть развлекается, пока молода. Тем более что Хунши вот-вот должен был приступить к занятиям в Императорской школе. Отныне весь маршрут братьев пролегал между Дворцом Икунь, Обителью принцев и Императорской школой, куда посторонним девицам вход был заказан строжайшим уставом.

И все же Иньжэн не удержался от предосторожности: он выделил пару своих соглядатаев во Дворце Продления Счастья специально для слежки за принцессой Хуаньчжу, велел доносить лишь о важных происшествиях, после чего со спокойной совестью умыл руки.

Хунши, все еще опасаясь за душевное спокойствие Нала, решил на время вернуться под ее крыло и вновь обосновался во Дворце Икунь.

Вскоре до Иньжэня дошли слухи, что дикарка успела перессориться едва ли не со всеми наложницами гарема, причем некоторые изнеженные дамы умудрились получить синяки и ссадины из-за ее размашистых жестов. Иньжэн, не отрывая кисти от бумаги, сухо скомандовал подчиненным:

— Следите за каждым шагом этой сумасшедшей. Пусть матушку-императрицу и принцессу Ланьсинь при каждом выходе сопровождает усиленный конвой, а к Хунши приставьте надежных телохранителей.

Не прошло и двух дней, как соглядатаи принесли весть, от которой у Иньжэня едва не помутилось в глазах: Цяньлун своим высочайшим указом дозволил девчонке посещать уроки в Императорской школе.

Иньжэн с треском швырнул книгу на пол, его лицо исказилось от ярости.

«У всякого безумия должен быть предел! Он хоть понимает, как низко опускает достоинство императорского рода?! Хунли, неужели ты и впрямь решил разыграть комедию с признанием до конца?»

Дав волю гневу, Иньжэн призадумался. На самую сумасшедшую ему было плевать, но ведь Хунши на днях должен был переступить порог Императорской школы! Если эта дикарка хоть пальцем заденет его хрупкого брата, у Иньжэня разорвется сердце. Кроме того, нужно было во что бы то ни стало оградить от этой занозы Западные покои. Ланьсинь — нежная, хрупкая девушка, а не грубый вояка с дубленой кожей, ей негоже сталкиваться с уличным отребьем...

Сгорая от беспокойства, Иньжэн бросился во Дворец Икунь, где без умолку принялся излагать свои требования:

— К Хунши нужно немедленно приставить рослого, обученного боевым искусствам баньду! Даже если кодекс приличий не позволит парню поднять руку на принцессу, он хотя бы примет удар на себя и послужит живым щитом! К матушке и Ланьсинь приставим служанок из числа тайных стражниц, умеющих драться. И при каждом выходе из покоев вас должны сопровождать евнухи из Дворца Милосердия и Покоя и Дворца Небесной Чистоты, чтобы перед глазами всегда крутились императорские соглядатаи...

Иньжэн тараторил без умолку, расписывая один план безопасности за другим. Наконец, сочтя свои меры безупречными, он перевел дух и ощутил сухость в горле. Он уже повернулся, собираясь приказать Линь Яо налить чаю, как вдруг заметил странную картину.

Ланьсинь сидела, низко опустив голову и изо всех сил прижимая шелковый платок к губам, при этом ее хрупкие плечи мелко подрагивали. Хунши с преувеличенно серьезной миной изучал узоры на потолке, а матушка Нала смотрела на старшего сына с нескрываемой, бесконечно теплой улыбкой.

Поняв, что его искреннюю заботу безбожно высмеивают, Иньжэн мгновенно взвился на дыбы. С грохотом хлопнув ладонью по столу, он возмущенно прикрикнул:

— И что тут смешного?! Безопасность — дело серьезное, шутки в сторону!

Глядя на разбушевавшегося брата, Ланьсинь не выдержала и звонко рассмеялась, утыкаясь лицом в плечо матери. Хунши и вовсе соскочил со своего стула, коршуном налетел на Иньжэня и повис у него на шее, содрогаясь от безмолвного хохота. Заметив, как старший брат от смущения и досады густо покраснел, Хунши лишь крепче обнял его, всхлипывая от смеха:

— Братец... о боги, братец...

Нала ласково погладила вздрагивающую от беззвучного смеха Ланьсинь и перевела взгляд на сыновей. Ее первенец, хоть и пылал от смущения, все же бережно придерживал младшего брата за талию и легонько похлопывал по спине, не позволяя тому соскользнуть на пол.

Глядя на эту картину, императрица почувствовала, как с ее сердца окончательно скатился тяжелый камень.

Ее приемная дочь росла очаровательной и чистой душой, но при этом впитала безупречные манеры и держалась с истинно царственным благородством. Сыновья же демонстрировали такую преданность друг другу, о которой другие могли лишь мечтать. Младший еще позволял себе детские шалости, но старший... Старший повзрослел слишком рано. После безвременной кончины ее пятого сына Юньсина Иньжэн словно переродился. Перед чужаками он неизменно представлял в маске ледяного безразличия, действуя жестко и безжалостно. И пусть наедине с матерью он сбрасывал эту броню, Нала все равно не знала, какими словами исцелить его израненное детское сердце.

Она помнила, как однажды спросила маленького Иньжэня, кого бы он хотел — братика или сестренку. Малыш, не сводя глаз с ее округлившегося живота, тихо прошептал:

«Сестренку»

Сторонний человек счел бы такой ответ признаком холодности к памяти ушедшего брата, но лишь Нала знала, какая неподъемная глухая вина сжигает ее дитя изнутри. В те дни она безумно боялась, что хрупкий мальчик сломается под этой ношей, и сама тайно молила богов о дочери. К счастью, с появлением Хунши и верных сотоварищей ее замкнутый первенец начал оттаивать, позволяя себе порой обычные юношеские капризы.

Нала перевела дыхание, чувствуя, как многолетняя тревога отступает. Видеть своих детей живыми, здоровыми и счастливыми — ради одного этого стоило пройти через все круги дворцового ада.

<http://bllate.org/book/18338/1815488>